

Вл. ЖЕЛЕЗНЯК

**ЧЕЛОВЕК
ЩЕДРОГО ТАЛАНТА**

МЫ иногда при жизни человека как-то не замечаем всего значения проделанной им работы, ее масштабности. Бывает это не потому, что мы умаляем его деятельность. Нет, мы можем искренне относиться к такому работнику, любить и ценить его творческий труд, но зачастую, когда существует рядом с нами живой из плоти человек, то нам трудновато признавать его каким-то особенно выдающимся, ежели он сам чрезвычайно скромен, застенчив и не любитель похвалиться. Таким именно был Александр Иванович Брягин — замечательный художник-миниатюрист и реставратор, влюбленный в прекрасный мир неумирающих красок.

Припоминается последний год Великой Отечественной войны. Январь... Вологда... За окном — величественный Софийский собор и кремлевские стены.

Часы на колокольне мелодично отбивают четверти. Пожилой голубоглазый человек с белыми легкими, спадающими на лоб волосами сидит на низенькой табуретке у окна.

На подоконнике несколько деревянных ложкообразных чашечек. В них переливаются яркие тона красок. Это особые тертые краски, разведенные на желтке, так называемая «яичная темпера». В руках мастера они способны творить чудеса. Художник пишет ими маленькими волосяными кистями с острыми концами. Краски наносятся на дощечку, подготовленную особым грунтом — левкасом, ровным слоем, тона берутся легкие и прозрачные.

Александр Иванович заканчивает работу над сложной многофигурной миниатюрой «Александр Ярославович Невский призывает новгородских граждан на борьбу с «псами-рыцарями». Эта миниатюра предназначалась на выставку сначала в Москву, а затем за границу — в Тегеран.

С удивлением и радостью глядел я на прелестную миниатюру, сверкавшую в лучах холодного северного солнца своим драгоценным убором. На маленькой плоскости — удивительные купола новгородских соборов, крепостные стены, площадь, народ. На возвышении — князь приносит слова патриотического призыва. Его слушают и княжеские дружинники на горделивых конях, и новгородцы-вечники в просторных древнерусских узорных одеждах, и сидящий на камне вдохновенный слепец-гуслир. Лицо старца устремлено к небу, а пальцы, перебирая струны, слагают славу князю, его воинам, «господину Великому Новгороду» и всей многотрадной Русской земле.

Все привлекало в этой миниатюре — и патриотическое решение темы, перекликающейся с Великой Отечественной войной, и мастерство художника, и сама гамма красок.

— Ну, как? — спросил Александр Иванович, пыливо вглядываясь в миниатюру. — Ну, как?..

Он как будто сомневался, понравится ли его новая работа.

А. И. Брягин Иван Грозный в Вологде на постройке флота. Миниатюра, 1947 г.

Фоторепродукция П. Мошкова.

— Конечно... — говорил он певучим говорком, — можно бы и лучше, но времени маловато — отсылать надо...

— Ну, что вы, Александр Иванович, — успокаивал я его. — Унижение — паче гордости. Хорошо сделано, крепко, по-брягински...

— Скажете, — застеснялся Александр Иванович. — Конечно, старался в меру своих сил. Да... А что вам приметилось в миниатюре?..

Начали детально разбирать качество работы. Сам мастер придирчиво напоминал, что вот в этой фигуре напряженности не хватает. Оживить следовало бы ее...

— Ну, а колорит как? Тут, конечно, промашка вышла. Как думаете?

— Чудесный колорит. Ваш!..

— Опять брягинский, — улыбнулся художник. — А мне все кажется, что здесь можно было бы...

— Да ничего не нужно...

— А я все же подожду лаком покрывать. Пусть поотлежится... — успокаивал себя Александр Иванович

и продолжал: — времени маловато... Да и торопился я, конечно... На рынке-то нынче яйца с огнем не сыщешь...

Яичная темпера недолговечна и быстро теряет свои скрепляющие свойства. Если пользоваться эмульсией, простоявшей более четырех дней, живопись под лаком дает трещины и будет иметь вид сплошной сетки. Этого-то и боялся Александр Иванович.

— Значит, колоритец ничего? — напоследок спросил Брягин. — Одобряете?

Как-то не верилось, что это спрашивал Александр Иванович Брягин, про которого знаток русской советской миниатюры профессор А. В. Бакушинский писал, что в брягинских работах «колорит отличается таким богатством, такой радостью и нежностью неуловимых переходов цвета, что в этом отношении Брягину нет равных».

С Александром Ивановичем мне посчастливилось не только сотрудничать семь лет в областном краеведческом музее, но и многому поучиться у него. Знания Брягина по реставрации уникальных историко-художественных произведений были огромны. Он и его старший брат Николай Иванович могут быть причислены к ведущим реставраторам России (да и сейчас родственники Брягиных, работающие в реставрационных мастерских, с честью продолжают их славное дело).

Тонкие знания миниатюриста и реставратора художник получил в иконописной мастерской родного села Мстеры, в частной петербургской студии и в Русском музее. Еще в 1912 году крупнейший знаток старины художник Илья Семенович Остроухов пригласил Брягиных в музей Троице-Сергиевской лавры (г. Загорск) для расчистки и закрепления левкаса иконы «Троица» — великого создания Андрея Рублева.

— Двадцать четыре годика мне тогда было, — рассказывал Александр Иванович, — ну, конечно, сами догадываетесь, как сердце стучало, когда я к «Троице» прикасался... Ведь понимаете состояние человека, приблизившегося к великому искусству... Конечно, трепетно!

А в 1914 году в августе, когда в летнем саду начинали дрожать в позолоте ранней осени деревья, Александр Брягин был отправлен на фронт.

После победы Октябрьской революции А. И. Брягин вступил добровольцем в Красную Армию, но через некоторое время был демобилизован из ее рядов по болезни.

Советской Республике нужны были культурные работники, и Брягин поступает в мастерские Главискусства.

Покойный академик Игорь Грабарь предложил Александру Ивановичу принять участие в реставрации московского Успенского собора. Несмотря на трудность работы в холодные и голодные дни двадцатого года, художник самозабвенно трудился, стоя на шатких лесах, расчищая замечательные фрески.

В 1923 году Брягин совместно с известными художниками-миниатюристами Н. П. Клыковым и А. Н. Куликовым организовал в Мстере небольшую артель «Древнерусская народная живопись», преобразованную впоследствии в артель «Пролетарское искусство». Расписывались братины, ковши, коробочки, поставцы на русские, преимущественно былинные и сказочные, сюжеты — по заказу Главкустпрома. Они шли за границу и за них платили валютой.

В 1925 году Брягина вызвали в музейный отдел Наркомпроса и поручили помочь ряду музеев в сохранении, классификации и реставрации памятников старины. Большую ценную работу провел он в городах Александрове Владимирской области, Новгороде, а затем в Вологде. Кроме реставрационных работ, в Вологодском музее он сделал несколько интересных росписей по дереву (поднос «Катеринушка», бокал «Эй, коня б ему, гусли звонкие», коробка «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и др.).

Общий подъем экономики Советского Союза, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства отразились и на росте культуры. Появилась потребность в украшении быта советских людей. Новый покупатель хотел, чтобы его окружали в квартире, клубе, учреждении хорошие, прочные, изящные вещи.

Александра Ивановича, как ведущего художника-миниатюриста, снова пригласили в Москву.

— Отказать, конечно, было невозможно, — рассказывал художник. — Вместе с другими товарищами я стал думать о том, чтобы, используя старые мстер-

ские традиции, сделать советские сюжеты на коробочках из папье-маше...

Так выпестовалось то искусство мстерских умельцев, те знаменитые «мстерские коробочки», которые высоко ценятся всеми любителями не только в нашей стране, но и за границей.

Создание миниатюры — сложное дело, требующее не только опыта, но и большой творческой подготовки. Александр Иванович считал, что самым трудным в этом деле является изыскание темы и составление рисунка.

После смерти А. И. Брягина Вологодский областной музей приобрел у вдовы художника богатую «творческую лабораторию» — эскизы, рисунки композиций и некоторые работы, в том числе прекрасную мстерскую миниатюру на древнерусский сказочный сюжет.

Чтобы яснее читатель мог представить трудность работы миниатюриста, скажем еще несколько слов о ее технике. Когда готов рисунок, он накладывается на белильную подготовку (предварительно бумага, на которой выполнен рисунок, натирается с обратной стороны сухой краской), и затем мастер переходит к самой живописи на коробке. В тех местах, где мастер желает придать больше легкости, он применяет прием лиссеровок (под наложенными прозрачными красками просвечивают основные цвета композиции, создающие особую нежную тональность всей вещи).

Писатель Д. Семеновский восхищенно говорил о Брягине, что это «непревзойденный мастер лирики красок» и называл художника «Брюлловым русской миниатюры».

В творческой деятельности Брягина как миниатюриста наиболее плодотворным был период с 1931 по 1938 год. В этот период им была создана, а его учениками продолжена современная тематическая миниатюра («Праздник урожая», «Счастливая жизнь», «Жатва», «Дом отдыха», «Выходной день»), а также великолепная по сказочности пушкинская серия («Золотой петушок», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан»).

Когда в Третьяковской галерее в 1937 году развернули выставку произведений народного творчества, миниатюры А. И. Брягина занимали в разделе «Мстера» одно из ведущих мест.

А. И. Брягин.
Иван Грозный
в Вологде на
постройке Со-
фийского собо-
ра. Станковая
работа. Х. М.,
1946 г.

Фоторепро-
дукция
П. Мошкова.

Тогда же работы художника были отосланы на Всемирную Парижскую выставку. Среди них находились и миниатюры о новой колхозной деревне. Жюри выставки удостоило советского художника дипломом «Гран-при» на Золотую медаль.

В 1938 году А. И. Брягин был участником Нью-Йоркской международной выставки. Вскоре после выставки он уехал в Вологду. Здесь его застала Великая Отечественная война. Этот последний «вологодский период» творчества А. И. Брягина (1939—1948 гг.) оставил заметный след в истории вологодской культуры, особенно в разделе изучения художественных образов прошлого, раскрытия ряда уникальных памятников, большой практической помощи музеям области (В. Устюг, Череповец, Тотма, Кириллов) в определении предметов народного творчества, древнерусской живописи и их хранения.

Тяжелые героические годы переживала наша Родина. Немецкие фашисты, как и их далекие предки тевтонские «псы-рыцари», грабили и уничтожали замечательные произведения древнерусского зодчества, живописи, скульптуры.

Дымились, вздымая к небу руины развалин, новгородские храмы и исторические здания, вывозились под охраной эсесовцев картины, мебель, драгоценная утварь.

Александр Иванович, участвовавший в реставрационных работах в Новгороде и Пскове, трудно переживал акты фашистского бандитизма.

— Это, конечно, не люди, — говорил он, просматривая газеты, и голос его дрожал от негодования. — Нет им прощенья. Как жаль, что не могу взять в руки винтовку...

Пожилой и больной мастер в годы войны проявил поистине высокое патриотическое мужество. Он не только работал в музее, но и был постоянным гостем в госпиталях, беседовал с ранеными солдатами и офицерами об искусстве, о значении памятников культуры, устраивал выставки репродукций художников-передвижников.

За годы войны в музейной мастерской А. И. Брягин раскрыл, то есть вернул к жизни, двести памятников древнерусской станковой живописи XV—XVII веков,

освободив их от позднейших искажений, записей, слоев олифы и копоти. Помолодевшие, яркие, они снова засвидетельствовали о самобытности русского народного творчества. Замечательным мастером были также расчищены интересные фрески цветочного орнамента второй половины XVII века в экономском корпусе (б. Судный приказ) вологодского архиерейского подворья.

Работал Александр Иванович и как станковист. Для экспозиции исторического отдела областного музея им были написаны композиции на темы славного прошлого нашего народа и на события Отечественной войны («Освобождение Пскова», «Портрет Героя Советского Союза генерала Преображенского» и другие).

Вологжане должны быть благодарны мастеру тонкой кисти за его миниатюры, посвященные 800-летию Вологды (1147—1947 гг.). Миниатюры и графические работы Брягина к юбилею древнего города не только ценный краеведческий материал, но и высокохудожественные произведения. В них проявились и богатая колористическая палитра художника и его умение проникнуть в далекое прошлое народа («Вологда в 1147 году», «Иван Грозный на постройке Софийского собора», «Иван Грозный на постройке флота», «Петр Первый в Вологде», «В избе Судного приказа»).

Для брягинского проникновения в историю особенно характерны такие композиции, как «Иван Грозный на постройке флота» и «В избе Судного приказа». На первом плане мы видим пристань у причала реки Вологды. На узорном ковре стоит Иван Васильевич Грозный в цветущей поре своей жизни. Опершись на посох, царь благосклонно выслушивает объяснения, даваемые молодым парнем в полукафтани — очевидно, мастера «корабельного строения».

А на реке, как лебеди, изогнули шеи кормы парусных судов, готовые из Вологды плыть в Архангельский городок, а оттуда по Северному морю хоть к норвегам, хоть к шведам, а хоть и в «аглицкое королевство».

За царем свита — два удивленных иностранца в кургуzych плащах и белых жабо, купцы, бояре, стрельцы. Все это дано на фоне вологодских бревенчатых стен, за которыми возвышается белокаменный Софийский собор.

Композиция основана на исторических и летописных данных, говорящих о той заботе к укреплению обороноспособности Московского государства, которую проявил Иван Грозный.

Миниатюра «В избе Судного приказа» переносит нас во времена царя Алексея Михайловича, когда после восстания Степана Разина светские и церковные власти усилили репрессии против простого народа. В помещении Вологодского Судного приказа — судья в присутствии монаха и палачей производит допрос связанного, в порванной одежде крестьянина. Художник взглянул на свое произведение пристальным взором советского человека. В облике вологодского крестьянина, смело и дерзко глядевшего на царского судью, знающего о прозякающих ему неимоверных пытках, а может быть, и казни, он показал нам лучшие черты народа. От миниатюры Брягина веет не ужасом, а свобододолюбием.

По гамме красок, по переливу тонов, по умению подчеркнуть основной мотив сюжета — это лучшая художественная композиция из тех, что были посвящены 800-летию Вологды.

В том же году к 30-летию Октября А. И. Брягин написал выполненную в стиле миниатюры работу «Праздник урожая». Яркая по цвету, на фоне вологодского осеннего сельского пейзажа с золотистыми березками, эта композиция производит радостное впечатление своей праздничной целеустремленностью.

Отмеченный дипломами международных и всесоюзных выставок, медалями, почетными грамотами, Александр Иванович как достойный представитель советской интеллигенции в 1947 году был избран депутатом Вологодского городского Совета.

25 февраля 1948 года А. И. Брягину исполнилось шестьдесят лет. Вологжане тепло отпраздновали юбилей выдающегося художника-миниатюриста. В большом читальном зале областной библиотеки была развернута выставка произведений Брягина, собрались друзья и почитатели его таланта, приехали операторы кинохроники и фотографы. Его поздравляли от партийных и общественных организаций. Были зачитаны приветствия от дирекции и коллектива научных работников Третьяковской галереи, Русского музея, Сою-

за художников СССР, научно-исследовательского института, телеграммы от многочисленных знакомых.

В ответном слове юбиляр горячо поблагодарил присутствующих и заверил, что отдаст все свои силы и опыт делу процветания советской культуры.

Как-то весной мы с Александром Ивановичем гуляли по Соборной горке — любимому месту вологжан. Река после половодья была широкой, небо казалось особенно синим, и на противоположном берегу, словно омытые теплым воздухом, гляделись в воду памятники зодчества и старинные особняки. На скамейках студенты с книжками готовились к зачетам. Внизу у самой реки терпеливо дежурили с удочками рыбаки.

— Прелесть какая весна, — грустно произнес художник. — Все по-иному кажется. Конечно, в шестьдесят лет поздно думать о молодости, а, ей-богу, думаю, что я еще к самому главному на подступах...

— А что вы считаете главным, Александр Иванович?

Он присел на скамейку, снял фуражку, закурил.

— Главным? А вот что, — он указал широким взмахом руки на окружающее: — Жизнь! Я бы теперь, ежели бы имел возможность, уехал в колхоз, снял бы мезонинчик и изображал бы это самое — биение жизни. Но нельзя! — вздохнул огорченно. — Надо к маю экспозицию оформлять, да еще и иконный фонд в порядок не привел...

— Поезжайте хотя бы на недельку, — сказал я.

— Нет! — отрицательно покачал головой Александр Иванович. — Вот после мая возьму отпуск, силенок поднакоплю, тогда...

Но «силенок» поднакопить ему не удалось. Летом А. И. Брягин тяжело заболел и, полный творческих замыслов, ушел из жизни.

Имя его осталось жить в раскрытых им памятниках искусства, в сверкающих миниатюрах и в благодарной памяти граждан старинного русского города.